

ник. Новый взгляд. Посольство Словацкой Республики в Российской Федерации, 2001. С. 113-126.

2. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1917 г. М., 2013. 1016 с.

3. Серапионова Е.П. Восприятие России и русских чешскими и словацкими legionерами // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 262-279.

Д.С. Парфирьев

Московский государственный университет

«НА КРАЮ СВЕТА»: ЗАПАДНОУКРАИНСКИЙ ПОЛИТИК В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

В годы Первой мировой войны в глубоком тылу Российской империи отбывали административную ссылку сотни украинских общественных, культурных, религиозных, политических деятелей из австрийских Галиции и Буковины. К самым известным «сибирякам» (так их называли в ту пору) относился ученый и политик Владимир Охримович, один из основателей Украинской национально-демократической партии (УНДП) и депутат австрийского парламента (Рейхсрата) в 1907–1908 годах.

К началу сентября 1914 года русские войска оккупировали большую часть населенных украинцами земель Австро-Венгрии, Восточной Галиции и Буковины. Не дожидаясь прихода армии противника, почти все украинские политики, находившиеся во Львове, бежали в Вену или другие города, опасаясь репрессий со стороны русских военных властей. Охримович был одним из немногих оставшихся. В первые дни оккупации Львова он пытался издавать украиноязычную газету «Дело», но вскоре та была закрыта по распоряжению оккупационной администрации. Высылка «неблагонадежных» элементов из Галиции вглубь России началась в январе 1915 года. В. Охримовича арестовали во Львове в ночь на 18 февраля. В конце мая в составе группы арестованных украинских деятелей он был конвоирован в городок Броды. По словам Охримовича, уже тогда арестанты поняли, что их везут в Сибирь [1, с. 73]. Путь занял 18 дней: 4 июня заключенные поездом прибыли в Киев и к 15 июня добрались до Красноярска с пересадками в Москве, Екатеринбургe и Омске. 28 июня на пароходе заключенные покинули Красноярск и через три дня достигли уездного города Енисейска, откуда 2 июля 1915 года в сопровождении двух полицейских отправились на юг Енисейской губернии, к устью Ангары. Дальнейший их путь лежал в село Богучаны [1, с. 74–82]. Единственным способом попасть туда была Ангара. 13 июня пополудни ссыльные приплыли в село и на следующий день зарегистрировались у станового пристава [1, с. 88].

Галичан распределили по разным деревням Пинчугской волости, предварительно осмотрев в волостной больнице и выдав «кормовые деньги». Местом ссылки Охримовича была определена деревня Гольтявино неподалеку от Богучан. Туда политик прибыл 15 июля. В селе насчитывалось всего 40 домов. Охримович остановился у Дмитрия Колпакова, местного «чалдона», потомка первых русских поселенцев. За жилье и питание квартирант платил семь рублей в месяц [1, с. 89–91]. В письме В. Пристаю Охримович сообщал, что живет на «краю света»: «До ближайшей станции железной дороги у меня 700 верст, до ближайшего городка 400 верст, до ближайшей почты 60 верст. Но хуже всего то, что единственный способ коммуникации — это река, по которой летом плавают на лодках (на протяжении 3 месяцев), а зимой (на протяжении 5 месяцев) ездят на санках. Весной, когда река растаивает, и осенью, когда река замерзает [...], мы здесь полностью отрезаны от мира и тогда не получаем два месяца никакой почты» [2, с. 3]. Удручало политика и то, что в селе не было ни школы, ни церкви, ни магазина, ни корчмы, почта приходила только два раза в месяц, а газеты — с месячной задержкой. Покинуть Гольтявино Охримович не мог. Под угрозой ареста ему также возбранялось иметь оружие, участвовать в собраниях, читать лекции и доклады, учить крестьянских детей [1, с. 88–89].

4 декабря 1915 года Охримович писал брату: «Я, слава Богу, здоров, не мерзну, не голодаю, и не скучно мне, потому что есть что читать» [3, арк. 7зв]. От скуки политика спасало общение с местными жителями, в том числе с двумя политическими ссыльными, меньшевиком П. Колышовым и большевиком И. Воиновым. Сразу по прибытии Охримовича в деревню они нашли с ним общий язык, помогли донести багаж и найти жилье [1, с. 91]. Несмотря на это, галицийскому политику не хватало общения с земляками: «В том селе, где я сейчас живу, кроме меня нет больше ни одного австрийского подданного, ни кого-либо из российских украинцев, ни людей с высшим или хотя бы средним образованием» — писал он В. Пристаю, сетуя на «одиночество и потерянность» [2, с. 3]. Поскольку выехать за пределы села Охримович не мог, а этапированные вместе с ним украинские деятели жили в десятках верст от него, их общение ограничивалось перепиской. Иногда, впрочем, земляки гостили у него по несколько дней [3, арк. 8зв]. Получая от украинской диаспоры в США деньги при посредничестве Американско-украинского бюро («American Ukrainian Exchange»), Охримович помогал ими другим галицийским украинцам, отбывавшим ссылку в Сибири, посылая им безвозмездно или в долг те или иные суммы денег [4, арк. 29–38а, 45, 46].

В ссылке Охримович не терял надежд переселиться с Ангары куда-нибудь западнее. На свою отчужденность он жаловался в письмах более удачливым соотечественникам-однопартийцам: Т. Старуху, сосланному в Казанскую губернию [5, арк. 13зв], и Д. Стахуре, отбывавшему ссылку в Сим-

бирске [5, арк. 163в]. К 1917 году Охримович потерял надежду на скорое возвращение, в чем признавался в письме одном из писем жене [3, арк. 9]. Покинуть Сибирь ему удалось лишь после Февральской революции: в июне 1917 года новые власти позволили ему свободно жить во всей Сибири, а затем разрешили вернуться на Украину [3, арк. 103в]. После возвращения из Сибири Охримович стал ревностным католиком: знавший его политик К. Трилевский объяснял это пошатнувшимся психическим здоровьем [6, с. 114].

Библиографический список

1. Охримович В.Зі Львова на Ангари (Спомини) // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» на переступний рік 1920. Львів, 1919.
2. Світлій пам'яті пок[іийного] д[окто]ра В. Охримовича // Діло. 22 грудня 1931. Ч. 286.
3. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДАУЛ). Ф. 372. Оп. 1. Спр. 22.
4. ЦДАУЛ. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 20.
5. ЦДАУЛ. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 83.
6. Трильовський К. З мого життя. Київ – Едмонтон – Торонто, 1999.

М.Э. Карпов

Самарский государственный медицинский университет

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Повседневность жителей провинциальных городов является неотъемлемой частью современного процесса исследований Российской революции и Гражданской войны. Особенно актуально обращение к теме практик существования горожан в год 100-летия Великой Российской революции 1917 года. Для определения основных черт городской повседневности был выделен круг вопросов, который включает в себя исследование влияния военно-революционных событий и процессов 1918 – 1922 гг. на благосостояние самарцев и состояния общественного здоровья, а также мероприятий местной власти в области организации системы здравоохранения. В исторической литературе, кроме общих работ по периоду [2], стали публиковаться исследования, в которых вопросы формирования городской повседневности становятся предметом самостоятельного внимания [25]. Анализ преодоления социальных болезней в годы НЭПа представлен в работе Е.А. Ерендеевой [1, с. 3-28].

Известный социолог П.А. Сорокин пишет, что базисом жизни населения в мирное время является удовлетворение самых простых биологически детерминированных инстинктов: потребность в пище, защите, медицинской помощи, доме [26, с. 3-177]. В годы военного экстрима значение этих